

Проблемы отечественной истории

Н.Е. ШАФАЖИНСКАЯ

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ДУХОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА В СИСТЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Видя в казачестве единый целостный феномен – сложившиеся духовно-нравственные основания культуры защитника государства, автор статьи ставит перед собой задачу раскрыть традиции духовного и социального служения в лице представителей казачества, прославленных в лике святых, и на примерах проявления национальной и этнокультурной толерантности в казачьей среде.

Ключевые слова: российское казачество, этнопсихологические особенности, святые из казачества, веротерпимость, межкультурная коммуникация.

Среди многих определений понятия «казачество», отражающих этнокультурные, социально-психологические и государственно-политические аспекты этого сложного феномена, логике историко-культурологического анализа соответствует, на наш взгляд, следующее. Казачество (*тюркск.* казак – ‘удалец, вольный человек’) – это *военное сословие*, состоящее из представителей населения ряда российских местностей, пользовавшихся особыми правами и преимуществами на условиях обязательной и общей воинской повинности. Силами этого сословия осуществлялась эффективная защита границ государства. Данный аргумент позволяет охарактеризовать складывавшуюся на протяжении веков своеобразную культуру российского казачества как *традиционную и самобытную культуру защитника государства*.

С XIV столетия это сословие пополнялось беглыми крестьянами и посадскими, объединявшимися в казачьи общины. Хотя при первоначальном включении в состав вооруженных сил Русского государства казаки были разделены на городовых (полковых) и станичных (сторожевых), казаки в качестве пограничной стражи сохранились уже с XVIII века лишь на южных и восточных окраинах Российской империи.

Сделаем необходимое уточнение: мы полагаем, что понятие «казачество» правомерно относить ко всем казакам как единому целостному феномену, имея в виду традиционно сложившиеся духовно-нравственные основания, особенности бытовой культуры, специфику диалектов, обычаев и комплекс национальных свойств, а не классовый подход, проявившийся по отношению к казачеству в XX столетии. Православное вероисповедание как базовая *духовная детерминанта* обусловило нравственный и этико-эстетический уклад повседневной культуры казаков, взаимоотношения в семьях, систему воспитания детей (наряду с привнесением в систему христианских ценностей этнокультурных обрядовых черт конкретной казачьей этнокультуры).

Определяющее значение Церкви во всех сферах жизни российского казачества подтверждается рядом красноречивых фактов, среди которых – в качестве центрального звена жизнеобеспечения воцерковленного народа – обязательное наличие

храма или монастыря на территории казачьих поселений. Немало монастырей и храмов на Руси было построено, в том числе, и трудами казачества. Из казачьей среды вышло немало выдающихся православных деятелей, прославленных в лике святых [1]. Традиции святости и социально-патриотического служения российского казачества воплотились в жизни и подвигах многих его выдающихся представителей.

Из донских казаков происходил прославленный деятель Русской Православной Церкви, будущий Патриарх Московский и всея Руси священномученик Гермоген (Ермоген). Вначале священник при церкви Св. Николая (Казань), после принятия монашеского пострига он был назначен архимандритом казанского Спасо-Преображенского монастыря (1582), Смутное время сделало бывшего донского казака Ермолая Патриархом Гермогеном (с 1606 г.). В 1913 году этот великий подвижник причислен к лику святых.

В годы своего патриаршества Гермоген (1606–1612) проявил себя как истинный патриот, оратор, духовный писатель, поэт, миссионер, агиограф. Знаменательно, что еще в 1579 году, при его служении в Казани, свершилось обретение чудотворной Казанской иконы Пресвятой Богородицы; он первым принял новоявленную икону из земли в свои руки. Позднее, уже будучи митрополитом, Гермоген составил «Сказание о явлении иконы Казанской Божией Матери и совершившихся от нее чудесных исцелениях». Сочиненный святителем тропарь «Заступнице усердная рода христианского» представляет собой проникновенное произведение гимнографии. При участии Гермогена в 1595 году были обретены мощи Казанских чудотворцев – святителя Гурия, первого архиепископа Казанского, и святителя Варсонофия, епископа Тверского. Жития их составил сам Гермоген. Обладая выдающимся умом, святитель уделял немало времени занятиям в монастырских книгохранилищах, прежде всего, в богатейшей библиотеке московского Чудова монастыря: делал выписки из древних рукописей, извлекая ценные исторические сведения, используемые им в архипастырских грамотах и воззваниях. Патриарх владел глубоким знанием Священного Писания, соединял в себе незаурядные способности проповедника и

учителя, наиболее убедительно проявившиеся в драматических событиях Смутного времени, когда, по слову летописи, «учинилось нечаемое: отец отцам, боголюбивый Патриарх Гермоген стал за православную веру, не боясь смерти» [2]. Этот образ неутомимого борца за чистоту Православия и единство Русской земли имеет общенациональное и общекультурное значение.

На ниве научной деятельности и писательского труда блестяще проявил себя другой выдающийся сын казачества – святитель Димитрий Ростовский (1651–1709) [3]. Реформы царя Петра I находили мало сочувствия и поддержки в севернорусском духовенстве. По этой причине на видные кафедры ставили, как правило, архиереев из южнорусского монашества: более образованные и активные, они были в большей степени ориентированы на Запад. Святитель Димитрий (в миру Даниил Туптало) родился в 1651 году в городке Макарове (неподалеку от Киева), был воспитан благочестивыми родителями в православной вере, образование получил в Киево-Могилянской академии. Ученый инок блестяще сочетал в себе любовь к просвещению, личную праведность, ревностное устное проповедничество. «По своему чисто русскому народному характеру, – пишет профессор П. В. Знаменский, – он составлял даже исключение между учеными юго-запада. Своим задумчивым народным проповедничеством молодой человек, инок, не имевший и 25 лет, приобрел такую известность, что о нем спорили Литва и Малороссия, наперебой приглашая к себе в проповедники» [4].

Димитрий Ростовский проделал колоссальную научную работу по созданию знаменитого многотомного «Жития святых» и составлению рукописного свода Четьих Миней – одного из выдающихся памятников русской духовной литературы. Академик Д. С. Лихачев считал его последним из средневековых славянских писателей, имевших огромное значение для всей православной Восточной и Южной Европы. «Четьи Миней» – драгоценный плод почти 12-летнего труда, не оценимо значимого не только для РПЦ, но и для истории Русского государства, для просвещения и духовно-нравственного воспитания народа. Известен отзыв А. С. Пушкина о «Житиях святых» как неистощимой сокровищнице и образце для вдохновенного художника: «Книга эта живая и вечная». В сложную переломную эпоху она представляла для всех слоев русского общества убедительную школу и наставление о смысле человеческой жизни, о любви и праведности; к наследию Димитрия Ростовского обращались также М. В. Ломоносов, И. С. Тургенев, И. А. Бунин и многие другие.

Владыка Димитрий произвел существенную реорганизацию в Ростовской епархии. Созданная его стараниями школа-семинария для учащихся всех сословий носила особый характер благодаря заботливому отношению пастыря к своим ученикам и была значительно прогрессивнее других: там преподавали греческий и латинский языки,

без знания которых изучение научных трудов в ту пору было невозможным [5]. В греко-латинском училище при Архиерейском доме учили также арифметике и письму, географии, философии, пению и стихосложению, риторике (составление поздравительных речей, диалогов и пр.).

Творчество во всей его полноте для святителя было не только послушанием, но и особой благодатью Божией, направляющей ум на высокие идеи, сердце – на живое и вдохновенное чувство, волю – на служение добру. Образцом этого можно считать пьесы (декламации), постановка которых осуществлялась при архиерейском доме в 1702–1705 годах. Фактически являясь создателем духовного театра, Святитель брал на себя обязанности драматурга, режиссера, сценографа, костюмера, музыканта. Воспитанников не столько знакомили с системой отвлеченных понятий, сколько формировали нравственные чувства и христианское отношение к ближним. «Благоразумная смелость» – так называли исполнительское мастерство, помогающее ученикам через переживание того или иного события Евангельской истории понять тонкости собственной внутренней жизни и соотносить ее с христианской нравственностью.

В борьбе с расколом Димитрием Ростовским написаны догматические труды («Вопросы и ответы о вере», «Зерцало православного исповедания»). Его перу принадлежат мистического характера произведения в прозе и стихах («Келейная летопись» и др.). По завещанию великого подвижника и ученого в его гроб вместо стружек были положены черновые рукописи его произведений. Так отошла в вечность эта чуткая и высочайшая любящая душа.

В плеяду русских святых, своей пастырской деятельностью и богословским литературным творчеством ознаменовавших эпоху императрицы Елизаветы Петровны, вошел епископ Белгородский Иоасаф (1705–1754). Он происходил из известного и богатого казачьего рода, носил в миру имя Иоаким. Его отец, Андрей Горленко, владелец значительных земель в Черниговской области, был человеком необыкновенной доброты и благочестия. Щедрость и милость к бедным являлись отличительной чертой его характера. Мать – Мария Даниловна, была дочерью гетмана, представительницей знаменитой малорусской фамилии Апостол. Строго соблюдаемые православные традиции семьи, благочестивое воспитание определили судьбу будущего святителя. Два года пробыв монахом пещерного храма Межигорского монастыря, он перешел в Киево-Братский монастырь, при котором находилась академия (21 ноября 1727 г., на праздник Введения Пресвятой Богородицы во храм, пострижен в мантию и наречен именем Иоасаф). Незаурядные способности к наукам и учительский талант обеспечили ему преподавательскую должность при академии, а с 1737 года назначенный игуменом Лубенского монастыря, он много трудился над восстановлением и благоустройством этой обители. Императрица Елизавета

очень уважала святителя Иоасафа, поддерживала его начинания пожертвованиями на монастырь. Три года спустя он стал митрополитом Белгородским (рукоположен в Петербурге в присутствии государыни). В обширной епархии, где немалая часть духовенства была невежественна, епископ, ратуя за дело просвещения, лично экзаменовал священников, всячески способствовал искоренению язычества и суеверий в народе. Иоасаф крайне негативно относился к подобию страсти, лицемерию и лживости по отношению к людям высокого звания и материального достатка. Все доходы он раздавал бедным, всякий страдающий был ему близок и дорог. Точно предчувствуя, что век его будет недолог, он спешил наполнить жизнь свою духовными подвигами [6].

Среди тех, кто и в многострадальном XX столетии берег традиции святости, – включенный в 2000 году в Собор новомучеников и исповедников Российских иерей Николай Попов. Он родился 6 мая 1864 года, служил Всевышнему и принял мученическую кончину на Донской земле. Принадлежа к семье (его мать Александра Петровна была дочерью священника ст-цы Мигулинской), где дети воспитывались в патриархальном духе, будущий подвижник воспитал в себе духовную стойкость, которую сохранил на всю жизнь.

Отец его, статский советник ст-цы Черкасской Войска Донского Харитон Иванович Попов, посвятил всю свою долгую жизнь изучению истории и культуры Донского края. От этого человека, который был одним из инициаторов создания и первым директором Музея донского казачества, Николай воспринял пример личного благочестия, ответственного отношения к людям и к родной земле. Традиционное православное воспитание казачьей семьи задавало ценностные ориентиры: решив посвятить себя религиозному служению, Николай Попов по окончании Донской духовной семинарии начал пастырское служение в Успенской церкви ст-цы Аксайской, известной своим чудотворным образом Пресвятой Богородицы; здесь же был рукоположен в диаконы архиепископом Донским и Новочеркасским Макарием.

В дальнейшем ему дали приход в хут. Колодезный близ ст-цы Мигулинской Верхне-Донского округа. Там молодой священник столкнулся с суевериями, пьянством, невежеством. И чтобы искоренить эти пороки, задумал построить учительскую школу с общежитием для желающих пройти подготовку и стать преподавателем. Он всячески старался привлечь в классы ребятшек из неимущих семей, расширить возможности просветительской деятельности среди местных жителей. Устроил при школе ферму, подсобное хозяйство. На получаемые от благотворителей средства была создана и школьная библиотека.

В числе жертвователей на Колодезную учительскую школу был и великий деятель РПЦ святой праведный Иоанн Кронштадтский, горячо откликнувшийся на посланное к нему обращение о. Николая.

Также самоотверженно о. Николай заботился и о другом, чуть позже порученном ему приходе

(хут. Верхне-Гнутов ст-цы Есауловской). Там работами неутомимого батюшки был организован церковный хор, отремонтирован и украшен живописью храм с вызолоченными куполами. Попечением о. Николая на хуторе возвели новую школу, где он ежедневно вел занятия с детьми, а в воскресные дни – со взрослыми. За неимением в хуторе профессионального врача о. Николаю приходилось оказывать хуторянам и первую медицинскую помощь.

После трагических для Русской Церкви революционных событий и гражданской войны иерея Николая (Попова) арестовали. Он мужественно переносил постигшие его испытания и в прощальном письме просил родных, чтобы те простили все своим врагам, простили и его мученическую смерть. После его кончины (26 мар. 1919 г.) односельчане приняли решение захоронить честные останки в ограде гнутовской церкви, которой подвижник отдал так много сил и любви.

Бережно собранные и сохраненные среди других бумаг в архиве его отца Харитона Ивановича Попова письма о. Николая остались свидетельством живого облика и самоотверженного подвига пастыря Церкви, истинного патриота Донского края [7].

Рассматривая аспекты монастырской культуры, к которой было причастно казачество, отметим, что, по данным, приведенным в книге В. Е. Шамбарова [8], для XVII века было характерно наличие храмов лишь в центрах казачьих областей (в Сибири – в городах и крупных селах), однако при Петре I активно развернулось строительство станичных храмов; именно тогда Петр Великий запретил казакам жениться без участия священников – на майдане, как это было прежде вразрез с ортодоксальными христианскими канонами. Воздвигались и новые монастыри. На Дону – мужские: Черниев, Кременской (Старочеркасский, Ефремовский, Бекреневский и Усть-Медведицкий позже были преобразованы в женские). Вероисповедание казаков сохраняло свою специфику – соединение христианства и чтимых воинских традиций, основой чего служили идеалы Евангелия: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Иоанн. 15; 13). Неудивительно, что в доме казака на одной стене рядом с иконами висело и оружие. Казачьи монастырские обители по традиции служили пристанищем для воинов-инвалидов, а в женские монастыри уходили девушки-сироты и вдовы тех, кто не вернулся из походов.

Следует указать еще на одно существенное обстоятельство, отличавшее казачьи области от Центральной России: монастыри возводились на деньги самих казаков, не использовался труд крепостных. То, что казаки за свою тысячелетнюю историю никогда крепостными не были, и это отразилось на их психологии и свободолюбивом облике, служит дополнительным аргументом в пользу социального здоровья российского казачества. Оно ценило свободу («волю») и достоинство человека, даже самых низших сословий, как самоценные – свидетельство равного положения

людей перед Богом. Конечно, это не исключало признания строгой иерархичности церковных, воинских, внутрисемейных отношений. В процессе эволюции этой традиционной культуры сформировались качества, которые принято считать *отличительными чертами казака*: развитое чувство личного достоинства и индивидуальной свободы; ответственность за судьбу Отечества (станицы, семьи); трудолюбие и хозяйственность, владение воинскими навыками; дисциплина, любовь к земле; уважение к старшим; почитание обычаев и заветов предков. Само понимание *свободы* носило глубоко христианский смысл: свободу воспринимали не как анархию или своеволие, а прежде всего – как осознанное добровольное, и зачастую жертвенное служение России (Престолу Пресвятой Богородицы), воинская защита Родины от внешних и внутренних врагов; служение ближним, помощь обиженным и обездоленным.

Строгой нравственной дисциплине в межличностных, в частности, семейных отношениях способствовало и то, что значительная часть казаков оставалась старообрядцами – все уральцы, гребенцы, терские казаки (терцы), т. е. казаки, которые живут вдоль рек Терек, Сунжа, Асса, Кура, Малка, Кума, Подкумок на Северном Кавказе. Много старообрядцев (выбирая более корректное определение, следует иметь в виду сторонников старорусского и греко-русского обрядов) было и среди оренбуржцев, сибирцев, на Верхнем Дону.

Представляется интересным, что иногда девушки из старообрядческих семей старались выйти замуж за казаков греко-русского обряда, поскольку порядки в их семьях были несколько свободнее. Порой члены даже одной семьи относились к различным исповеданиям. В этом случае традиционные этнокультурные и обрядовые ценности, выступающие в качестве высших для представителей казачества (мировоззренческие принципы, стиль поведения, психологическая, обрядовая общность, схожесть ментальностей) позволяли сглаживать возможные межконфессиональные конфликты. Отсюда третьим слагаемым (ценнейшим инвариантным компонентом традиционной культуры казачества) можно выделить *веротерпимость* (национальную и этнокультурную толерантность), которая и позволяет охарактеризовать казачество как психологически сбалансированную, социально гармоничную субэтнокультурную общность.

В. Е. Шамбаров подчеркнул, что казаки всегда умели устанавливать доброжелательные и добрососедские отношения даже с иноверцами

и инородцами. На Кавказе в самый разгар войны куначились с горцами и нередко принимали инородцев в свою среду. В частности, на Урале в XVIII столетии пленные, если желали стать казаками, обязаны были креститься. Однако татары, башкиры, калмыки, вступавшие в ряды казачества *добровольно*, могли сохранять свою веру: никто изменить ее не принуждал. Другой исторический пример: в Забайкальское Войско целыми полками вошли язычники-эвенки и буддисты-буряты. Известны даже случаи, когда казаками становились ламы. По установленному порядку на время сборов их отпускали из дацанов, а затем они вновь возвращались к монашеской жизни.

На Тереке, в Бороздинской, располагались поселения казанских татар и тавлинцев, сохранивших ислам. Мусульмане-башкиры вошли в Оренбургское и Уральское Войска, буддисты-калмыки – в Астраханское, Донское и Уральское. Подчеркнем: казаки – православные христиане – воспринимали представителей иных религиозных верований как своих братьев; но, уважая чужие традиции, они строго соблюдали свои собственные. И такое положение способствовало общему психологическому настрою, благородному делу защиты Отечества как единой земли для всех, кто на ней проживает.

В настоящее время, когда заметен возврат к высоким духовно-нравственным ориентирам, становится желательной трансляция и, возможно, интеграция указанных ценностей в сферу общественных межкультурных коммуникаций (социокультурных индикаторов, отражающих тенденции оздоровления духовного и психологического климата в современной России).

Литература и источники

1. *Шафажинская Н. Е.* Русское монашество в XIX – начале XX века: культурологический аспект. М., 2008.
2. Мысли Русских Патриархов от начала до наших дней. М., 2003. С. 29.
3. *Шафажинская Н. Е.* Монастырская просветительская культура России. М., 2013.
4. *Знаменский П. В.* Руководство по русской церковной истории. Минск, 2006. С. 350.
5. *Поселянин Е. Н.* Русская Церковь и Русские подвижники XVIII века: репринт. Троице-Сергиева Лавра, 1995. С. 33.6. Там же. С. 45–46.
7. Журналы заседания Священного Синода Русской Православной Церкви. Журнал № 40 (17.06.2006).
8. *Шамбаров В. Е.* Казачество. История вольной Руси. М., 2007.

N. YE. SHAFAZHINSKAYA. ETHNOPSCHOLOGICAL AND SPIRITUAL MANIFESTATIONS OF RUSSIAN COSSACKS IN THE SYSTEM OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Considering the Cossacks as a united complete phenomenon – the developed spiritual and moral bases of culture of a defender of the state, the author of the article tries to reveal the traditions of spiritual and social service in the person of the representatives of the Cossacks, glorified in images of the saints, and on examples of manifestation of national and ethnocultural tolerance among Cossacks.

Key words: Russian Cossacks, ethnopsychological features, saints from the Cossacks, toleration, intercultural communication.